

Обвинительное заключение: процессуальное предназначение

© 2023

Россинский Сергей Борисович, доктор юридических наук, доцент,
главный научный сотрудник Сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии
Институт государства и права Российской академии наук, Москва (Россия)

E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

Аннотация: В статье анализируются проблемы процессуального предназначения обвинительного заключения как правоприменительного акта, завершающего предварительное следствие по уголовному делу. Актуальность проведенного исследования обусловлена вытекающим из системы процессуального законодательства и сложившейся следственной практики дублированием роли обвинительного заключения и постановления о привлечении в качестве обвиняемого в части установления объема, содержания, границ, иными словами – определения предмета предстоящего разбирательства уголовного дела в суде первой инстанции. Исходя из традиционной для национальной уголовной юстиции концепции сохранения института привлечения в качестве обвиняемого, обосновывается тезис об ошибочности понимания обвинительного заключения как документа, определяющего содержание и параметры выдвигаемой в отношении обвиняемого уголовно-правовой претензии. Уточняется, что в ходе предварительного следствия такая роль может принадлежать лишь постановлению о привлечении в качестве обвиняемого. Анализируются причины, которые повлияли на возникновение выявленного доктринально-правового диссонанса и которые связываются с не вполне разумной правотворческой политикой, присущей развитию советской и постсоветской уголовной юстиции. Процессуальное значение обвинительного заключения предлагается сводить не к формулированию предмета предстоящего разбирательства уголовного дела в суде первой инстанции, а лишь к подведению итогов предварительного следствия и окончательному признанию его результатов пригодными для судебного рассмотрения по существу, а также к определению момента формального завершения досудебного производства и прекращению всех правоотношений, свойственных данному этапу уголовно-процессуальной деятельности. Обвинительное заключение предлагается считать поводом (юридическим фактом) для начала судебного производства. Кроме того, упоминаются и другие предназначения обвинительного заключения – правообеспечительное и организационно-техническое.

Ключевые слова: обвинение; обвинительное заключение; окончание предварительного следствия; предварительное следствие; предмет судебного разбирательства; привлечение в качестве обвиняемого; уголовно-правовая претензия.

Для цитирования: Россинский С.Б. Обвинительное заключение: процессуальное предназначение // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2023. № 3. С. 35–41. DOI: 10.18323/2220-7457-2023-3-35-41.

ВВЕДЕНИЕ

Одно из самых важных направлений развития уголовно-процессуальной доктрины, законодательства и правоприменительной практики – это исследование и совершенствование правоприменительных актов органов предварительного расследования, прокуратуры и суда, являющихся конкретными формами реализации государственно-властных полномочий и обуславливающих возникновение, изменение и прекращение свойственных различным стадиям уголовного судопроизводства правоотношений либо юридических состояний. К такому относится и обвинительное заключение, под которым обычно понимают финальный уголовно-процессуальный акт органа предварительного следствия, в котором проводится оценка достаточности собранных доказательств, формулируется предварительный вывод об изобличении обвиняемого (нескольких обвиняемых) в совершении инкриминируемого преступления (нескольких преступлений) и содержится решение о направлении уголовного дела в суд для дальнейшего рассмотрения по существу.

Подобный смысл четко вытекает из ст. 220 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

(далее – УПК РФ) и находящихся с ней в системном единстве других положений Кодекса. Неудивительно, что указанные либо близкие позиции можно встретить в целом ряде научных работ, посвященных данной проблематике; они же присущи подавляющему большинству рассчитанных на самый разнообразный контингент читателей учебников, учебных пособий уголовно-процессуальной направленности¹, доктринальных комментариев к уголовно-процессуальному законодательству и т. д.

Ученые традиционно обращали и продолжают обращать внимание на два самостоятельных значения обвинительного заключения: а) правовое (процессуальное), выражаемое в завершении предварительного следствия и признании его результатов пригодными для направления в суд; б) организационно-техническое (справочно-техническое), состоящее в представлении суду и сторонам возможности ориентироваться в материалах уголовного дела [1]. Некоторым

¹ См.: *Уголовный процесс / под ред. В.П. Божьева. М.: Спарк, 2002. 704 с.*

Калиновский К.В., Смирнов А.В. Уголовный процесс. М.: Кнорус, 2017. 704 с.

публикациям свойственна вариативная точка зрения, предполагающая еще одно, воспитательное значение обвинительного заключения, сводящееся к использованию его для уведомления присутствующей в судебном заседании публики о государственном порицании обвиняемого (подсудимого), о противоправности и наказуемости совершенного деяния, о способствующих его совершению обстоятельствах².

Для адресованной студентам, курсантам, слушателям учебной литературы такие доктринальные позиции вполне приемлемы и справедливы – они четко согласуются с уголовно-процессуальным законодательством и полностью соответствуют существующим практическим подходам к окончанию предварительного следствия в преддверии направления уголовного дела в суд для рассмотрения по существу [2; 3]. Однако при более тщательном осмыслении процессуально-правовое предназначение обвинительного заключения, равно как и соответствующие ему положения закона, начинают казаться далеко не такими разумными и неоспоримыми, какими видятся на первый взгляд. Понимание обвинительного заключения как правоприменительного акта, выражающего убежденность в дальнейшей судебной перспективе уголовного дела, представляется не вполне однозначным, вызывает множество вопросов и приводит к существенным затруднениям в правоприменительной практике. Стремление досконально разобраться в указанных вопросах и попытаться устранить существующие проблемы побудило автора к проведению некоторых научных изысканий, по результатам которых и была подготовлена настоящая статья.

Цель исследования – определение правового (процессуального) значения обвинительного заключения и его роли в уголовном судопроизводстве.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Предназначение стадии предварительного расследования

Начать хотелось бы с констатации аксиоматичного, должно быть очевидным для всякого ученого-процессуалиста исходного тезиса: подлинное понимание сущности и роли любой уголовно-процессуальной процедуры, любой формы реализации государственно-властных полномочий или использования диспозитивных правомочий, любого правоприменительного акта либо другого процессуального документа невозможно без надлежащего осознания базовых задач соответствующей стадии уголовного судопроизводства, так сказать общей «среды их обитания». Обвинительное заключение не является исключением: его сущность и процессуальную роль возможно понять лишь в контексте общего предназначения стадии предварительного расследования.

Как известно, основное предназначение предварительного расследования сводится к обеспечению возможности формирования позиции государственного обвинения – уголовно-правовой претензии (своеобраз-

ного «уголовного иска»), впоследствии подлежащей рассмотрению и разрешению посредством правосудия, т. е. выступающей в качестве предмета судебного разбирательства по данному уголовному делу. Именно такой базовой целью и должны предопределяться любые действия и решения органов дознания и предварительного следствия; именно с ней надлежит связывать сущность и процессуальную роль обвинительного заключения как правоприменительного акта, завершающего одну из форм предварительного расследования. Еще советские авторы неоднократно писали об обвинительном заключении как об уголовно-процессуальном документе, определяющем объем, содержание и границы предстоящего разбирательства уголовного дела в первой инстанции [4; 5]. Эти же идеи поддерживаются и многими современными учеными [6–8]. Например, авторы [9] связывают сущность обвинительного заключения с основанным на совокупности имеющихся доказательств выводом о наличии материально-правовых и процессуальных оснований для привлечения человека к уголовной ответственности.

С одной стороны, подобные позиции следует признать совершенно справедливыми, полностью отвечающими смыслу и назначению предварительного расследования. С другой – они невольно вступают в доктринально-правовой диссонанс с присущим предварительному следствию институтом привлечения в качестве обвиняемого как самостоятельной юрисдикционной процедуры, и формально, и темпорально отграниченной от составления обвинительного заключения, тем более от его утверждения прокурором.

Ведь, исходя из смысла ст. 171 УПК РФ, привлечение в качестве обвиняемого надлежит расценивать как процессуальную реакцию следователя на убежденность в достаточности собранных доказательств для избличения человека в совершении некоего преступления (нескольких преступлений). Именно в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого находит первоначальное отражение та самая «формула», формулировка обвинения, представляющая собой описание и предварительную квалификацию инкриминируемого лицу деяния, а иногда и наступивших общественно опасных последствий. Она и является готовой к разрешению посредством правосудия уголовно-правовой претензией, «уголовным иском», предметом предстоящего судебного разбирательства уголовного дела по существу, в частности подлежит устному изложению государственным обвинителем в начале судебного следствия (ч. 1 ст. 273 УПК РФ).

Поэтому представляется недопустимой распространенная в настоящее время практика формулирования и предъявления обусловленных противоречивостью уголовно-процессуального законодательства так называемых пилотных обвинений, не подкрепленных уверенностью следователя в доказанности события преступления, виновности лица и т. д., а сводящихся к натянутым, сомнительным позициям, т. е. не более чем к следственным версиям, выражаясь процессуальным языком – к подозрению определенной человека в причастности к преступной деятельности. Привлечение в качестве обвиняемого надлежит признавать следственной процедурой, завершающей собственно «расследовательскую» фазу предварительного следствия,

² Уголовный процесс / под ред. В.А. Лазаревой. М.: Юстиция, 2015. 656 с. С. 367.

являющейся логическим итогом всех проведенных по уголовному делу процессуально-познавательных, в первую очередь следственных, действий, и потому подлежащей осуществлению непосредственно в преддверии этапа составления обвинительного заключения, предусмотренного гл. 30–31 УПК РФ и выполняющего правообеспечительную и проверочную роли завершающей части досудебного производства.

Соотношение постановления о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительного заключения

В какой момент производства предварительного следствия определяются объем, содержание и границы, т. е. формулируется предмет предстоящего разбирательства уголовного дела в первой инстанции: при вынесении постановления о привлечении в качестве обвиняемого или во время составления обвинительного заключения? Ведь, исходя из рассмотренных выше доктринальных подходов, подобный смысл придается обоим правоприменительным актам.

Для автора настоящей статьи ответ на данный вопрос представляется очевидным: предмет предстоящего судебного разбирательства уголовного дела, сводящийся к подлежащей разрешению посредством правосудия уголовно-правовой претензии («уголовному иску»), формулируется именно посредством вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого – в противном случае как само постановление, так и вся предусмотренная гл. 23 УПК РФ процедура просто лишались бы всякого смысла и превращались в бессмысленные формальности, лишь обременяющие следственную практику, увеличивающие и без того чрезмерный объем процессуальных документов. Однако само существование подобной неясности явно не предрасполагает к надлежащему пониманию смысла соответствующих положений закона, что, в свою очередь, не может не сказываться на продуктивности и качестве предварительного следствия, на степени правовой защищенности подвергаемых уголовному преследованию лиц.

В настоящее время многие ученые-процессуалисты активно выступают за ликвидацию института привлечения в качестве обвиняемого как автономной следственной процедуры. В связи с этим предлагаются различные варианты реформирования предварительного следствия: от банального упрощения порядка выдвижения в отношении лица официального обвинения, т. е. до уподобления этого порядка алгоритму окончания дознания с обвинительным актом, до введения в систему досудебного производства еще одной стадии, сводящейся к деятельности прокурора по формированию и направлению в адрес обвиняемого собственной уголовно-правовой претензии. При этом существующие позиции обосновываются совершенно разными аргументами. В частности, прозападно настроенные авторы, апологеты европейских правовых ценностей, мотивируют подобные идеи одним лишь положительным опытом Германии и других стран, использующих немецкую модель предварительного расследования, в частности ряда известных постсоветских государств [10]. Другие специалисты аргументируют свои точки зрения более прагматичными доводами, например бессмысленностью дальнейшего сохранения процедуры привлечения в качестве обвиняемого ввиду появления бо-

лее надежных гарантий реализации права на защиту (в первую очередь возможности обеспечения защитника подозреваемому) [11; 12], целесообразностью передачи всех связанных с реализацией функции обвинения государственно-властных полномочий в ведение прокурора³ и т. д.

Вместе с тем данные позиции далеко не однозначны и требуют самого серьезного осмысления, в первую очередь на предмет возможности гармонизации со сложившейся за долгие годы национальной моделью предварительного расследования. Подобные оценки обусловлены не только общим стремлением к консерватизму уголовно-процессуальной формы, к сохранению устоявшихся, во многом отвечающих ментальности российского социума традиций уголовной юстиции и одновременно негативным отношением к преклонению перед зарубежными правилами предварительного расследования, тем более к их бездумному «импортированию» для использования в российской правоприменительной практике. Автор настоящей статьи вовсе не исключает вероятности дальнейшей ликвидации процедуры привлечения в качестве обвиняемого, однако считает такие преобразования явно преждевременными, не имеющими пока должной доктринальной основы, а высказываемые в их поддержку доводы – несостоятельными и высказываемыми без учета подлинных причин дифференциации следственного и дознавательского порядка выдвижения в отношении лица уголовно-правовой претензии. Ведь, несмотря на вызванное рядом факторов постепенное сближение и переплетение форм предварительного расследования, на инкрементальную административизацию предварительного следствия и как бы встречную процессуализацию дознания, они по-прежнему остаются обусловленными разной правовой природой и различным функциональным предназначением соответствующих органов и должностных лиц. В частности, дознание пока еще сохраняет свою исконную полицейскую природу – что по смыслу закона предполагает оперативную реакцию правоохранительных органов на сигнал о преступлении, спешное установление обстоятельств случившегося, быстрое выдвижение обвинения и направление дела в суд. Неудивительно, что подобному порядку свойственен сугубо полицейский механизм привлечения в качестве обвиняемого посредством вынесения обвинительного акта либо обвинительного постановления, т. е. документов, одновременно включающих и выдвигаемую в отношении лица уголовно-правовую претензию, и решение о направлении уголовного дела в суд.

Другое дело – это предварительное следствие, которому, невзирая на отнесение к компетенции внесудебных органов власти, на множество «изобретений» советской правовой доктрины, в том числе явно напоминающих административные формы и методы, все еще остается присуща свойственная классической французской («наполеоновской») модели досудебного производства

³ Баранов А.М., Наумов К.А. *Предъявление обвинения – исключительная функция прокурора // 20 лет действия уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: уроки и перспективы: тезисы докладов и сообщений международной научно-практической конференции. Омск: Омская академия МВД России, 2022. С. 11–14. EDN: PTMLRI.*

судебно-следственная природа. В отличие от полицейского дознания, такая форма расследования традиционно предполагала и, несмотря ни на что, продолжает предполагать большую полноту, всесторонность и объективность познания, более полное и обстоятельное погружение субъекта-познавателя (следователя) во все обстоятельства и детали случившегося, во все нюансы, способные оказать влияние на предстоящее судебное решение. Именно поэтому обвиняемый наделяется комплексом не характерных для дознания правовых возможностей: а) предварительно (еще до завершения досудебного производства и направления уголовного дела в суд) ознакомиться с содержанием выдвинутой в отношении него уголовно-правовой претензии; б) согласиться либо не согласиться с данной претензией; в) дать соответствующие объяснения (показания); г) заявить ходатайства о проведении новых процессуальных действий, направленных на опровержение или уточнение официальной позиции обвинения. Следователю же по смыслу закона предписывается проявлять особое внимание к подобным формам волеизъявления стороны защиты, а при необходимости – производить «дорасследование» имеющих значение для уголовного дела обстоятельств, могущее привести к осознанию слабых мест обвинительной позиции [13] и потребности ее корректировки в соответствии со ст. 175 УПК РФ.

Таким образом, предусмотренная законодательством РФ система уголовно-процессуального регулирования фактически предполагает двухэтапный механизм выдвижения в отношении лица уголовно-правовой претензии («уголовного иска»), т. е. определения предмета предстоящего судебного разбирательства данного уголовного дела по существу. Данный механизм заключается в формулировании обвинительного тезиса в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и последующем подтверждении, «засиливании» этого тезиса в обвинительном заключении. А потребность реализации указанного механизма в повседневной правоприменительной практике детерминирует преимущественное использование органами предварительного следствия хорошо известной прикладной технологии, предполагающей дословное воспроизведение описательно-мотивировочной части постановления о привлечении в качестве обвиняемого (той самой «формулы» обвинения) в соответствующем разделе обвинительного заключения. Более того, периодически возникающие расхождения в содержании указанных документов, в том числе вызываемые невольно допускаемыми техническими погрешностями, зачастую обуславливают признание обвинительных заключений недоброкачественными и приводят к возвращению уголовного дела прокурором в орган предварительного следствия на основании п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ, а судом – прокурору на основании п. 1 и п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ. Данную практику поддерживает и Пленум Верховного Суда РФ – в известном постановлении от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» несоответствие «формулы», изложенных в обвинительном заключении и постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, прямо рекомендуется считать нарушением закона,падающим под смысл ст. 237 УПК РФ.

Конечно, такая прикладная технология вовсе не является исключительной. В современной правоприменительной практике встречаются случаи, когда в обвинительное заключение невозможно дословно переписать «формулу» ранее предъявленного обвинения. В первую очередь к ним относятся случаи, связанные с частичным прекращением уголовного преследования с вынесением после предъявления обвинения так называемых «отсекающих» постановлений. В подобных ситуациях следователю не требуется выносить новое постановление о привлечении в качестве обвиняемого (ч. 2 ст. 175 УПК РФ), в связи с чем окончательная (уточненная) уголовно-правовая претензия (предмет будущего судебного разбирательства) формулируется, по крайней мере должна формулироваться, лишь один раз – в обвинительном заключении.

Вместе с тем указанные особенности никоим образом не опровергают общий вывод об обвинительном заключении как о правоприменительном акте, дублирующем ранее сформулированный «уголовный иск». Ведь, невзирая на растянутость процедуры выдвижения окончательного обвинения, которая предполагает внесение «отсекающих» коррективов в базовое постановление, именно совокупность этих процессуальных актов и выражает убежденность следователя в доказанности ряда обстоятельств, требующих уголовно-правовой оценки и последующей уголовной репрессии. В связи с этим позиции ученых, полагающих, что такая убежденность возникает лишь непосредственно перед составлением обвинительного заключения, видятся не вполне справедливыми [14; 15]. Представляется, что соответствующий раздел обвинительного заключения позволяет лишь сложить разбросанные по двум или нескольким документам фрагменты окончательной позиции обвинения в единое целое, т. е. привести их в надлежащий вид, перевести в удобную для должного уяснения прокурором, судом, обвиняемым, защитником и другими заинтересованными лицами словесную форму.

Правовое значение обвинительного заключения

Таким образом, ответ на поставленный выше вопрос о моменте формирования предмета предстоящего судебного разбирательства, о правоприменительном акте, устанавливающем объем, содержание и границы производства в суде первой инстанции, становится еще более очевидным. Эти задачи решаются посредством вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, тогда как обвинительное заключение лишь дублирует, повторяет, «засиливает» сформулированную ранее следственную позицию. Правовое значение данного процессуального документа начинает видаться несколько в ином – не столько в определении предмета предстоящего судебного разбирательства уголовного дела по существу, сколько в оформлении итогов предварительного следствия, в завершении всех правоотношений, складывающихся в ходе предварительного следствия, и одновременно в возникновении принципиально новых правоотношений, характерных для окончания досудебного производства.

Само существование выявленного в настоящей статье доктринально-правового диссонанса и обусловленных им практических трудностей представляется след-

ствием не вполне разумной правотворческой политики, присущей развитию советской и постсоветской уголовной юстиции. Ведь предусмотренный действовавшим до революции Уставом уголовного судопроизводства Российской империи (УУС) порядок предварительного следствия не предполагал ни вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, ни обязанности составления и утверждения прокурором обвинительного заключения. Ввиду более жесткого разграничения процессуальных функций выполнение задачи по письменному оформлению позиции государственного обвинения возлагалось на прокурора, осуществляющего проверку материалов окончательного производством предварительного следствия. Так, в случае положительной оценки результатов работы судебного следователя и уверенности в необходимости передачи уголовного дела в суд, прокурору предписывалось составить собственное заключение в форме обвинительного акта, указав в нем сведения о событии, содержащем признаки преступления, установленные сведения о его времени и месте, данные об обвиняемом, обвинительные доказательства и улики, а также уголовно-правовую оценку (квалификацию) содеянного (ст. 520 УУС).

Советский законодатель сразу же возложил эти полномочия на следственный аппарат, одновременно затеяв формализацию механизмов их реализации. Подобные положения можно найти даже в самом первом Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР (УПК РСФСР) 1922 г. Так, при наличии достаточных данных, дающих основание для предъявления обвинения в совершении преступления, следователю надлежало выносить мотивированное постановление, указывая в этом акте данные об обвиняемом, установленные обстоятельства преступного деяния и основания для привлечения к уголовной ответственности (ч. 1 ст. 131, ст. 132 УПК РСФСР 1922 г.). Ему же (следователю) по завершении предварительного следствия поручалось составление обвинительного заключения, включая изложение установленных обстоятельств произошедшего, доказательств, подтверждающих позицию обвинения, и уголовно-правовую квалификацию инкриминируемого лицу преступления (ст. 214 УПК РСФСР 1922 г.).

Проведенная на рубеже 1950–1960-х гг. реформа советского уголовно-процессуального законодательства стала очередным шагом, направленным на усиление формализации данных механизмов. Именно Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. предопределил возникновение используемого по сегодняшний день рассмотренного выше прикладного подхода, состоящего в дословном воспроизведении описательно-мотивировочной части постановления о привлечении в качестве обвиняемого в соответствующем разделе обвинительного заключения. Например, автору настоящей статьи, успевшему поработать в органах предварительного следствия в период действия УПК РСФСР 1960 г., вспоминаются постоянные упреки начальства и прокуратуры по поводу технических «несостыковок» в данных документах, преимущественно вызванных необходимостью их изготовления в «ручном» режиме – посредством пишущей машинки.

В настоящее время достаточно сложно сказать, чем конкретно руководствовался раннесоветский законодатель, когда изымал полномочия по письменному изло-

жению выдвинутой в отношении обвиняемого уголовно-правовой претензии и составлению обвинительного заключения из компетенции прокурора и передавал их следователю. Проект первого советского Уголовно-процессуального кодекса был подготовлен в очень сжатые сроки, а созданная в этих целях комиссия не оставила после себя практически никаких следов [16]. Намного проще объяснить стремление советского законодателя к усилению формализации механизмов осуществления подобных полномочий – оно стало следствием возникших после революции и существующих до сих пор общих правотворческих тенденций, направленных на постепенное превращение процессуального закона в чиновничью инструкцию, в административный регламент [17], в «памятку» для безграмотных правоприменителей. Однако в контексте предмета настоящей статьи все эти обстоятельства не так уж и важны. Гораздо важнее другое – давно назревшая потребность изменения отношения к обвинительному заключению как к следственному акту, устанавливающему объем, содержание и границы производства в суде первой инстанции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Правовое (процессуальное) значение обвинительного заключения надлежит сводить не к определению объема, содержания и границ, т. е. к формулированию предмета предстоящего разбирательства уголовного дела в суде первой инстанции, а лишь к подведению итогов предварительного следствия и окончательному признанию его результатов пригодными для судебного рассмотрения по существу, а также к определению момента формального завершения предварительного следствия и прекращению всех правоотношений, свойственных данному этапу уголовно-процессуальной деятельности.

Одновременно обвинительное заключение следует считать своеобразным поводом для возбуждения судебного производства, а его представление вместе с уголовным делом в суд – юридическим фактом для возникновения принципиально новых правоотношений, составляющих содержание подготовки к судебному заседанию. Попутно обвинительное заключение надлежит признавать правоприменительным актом, играющим важную правообеспечительную роль, позволяющим невластным участникам уголовного судопроизводства распознать позицию обвинения и оценить ее состоятельность в качестве предмета предстоящего судебного спора, на основании чего спланировать свое дальнейшее поведение, постараться спрогнозировать результаты заявления тех или иных ходатайств и т. д., т. е. способствующим обеспечению обвиняемому (его защитнику и законному представителю) права на защиту, а прочим заинтересованным участникам – права на доступ к правосудию.

В заключение следует обратить внимание, что сделанные автором выводы невольно заставляют задуматься о целесообразности существования формы обвинительного заключения, о необходимости сохранения всех присущих ему атрибутов. Эти проблемы предполагается рассмотреть в последующих публикациях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М.: Статут, 2016. 1276 с.
2. Миньковский Г.М. Окончание предварительного расследования и право обвиняемого на защиту. М.: Госюриздат, 1957. 211 с.
3. Якубович Н.А. Окончание предварительного следствия. М.: Юридическая литература, 1962. 147 с.
4. Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М.: Юридическая литература, 1965. 367 с.
5. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2. М.: Наука, 1970. 516 с.
6. Статкус В.Ф. Следователь по особо важным делам. М.: Интеркрим-пресс, 2007. 446 с.
7. Гаврилов Б.Я., Ильюхов А.А., Новиков А.М., Османова Н.В. Досудебное производство в уголовном процессе. М.: ЮНИТИ, 2015. 224 с.
8. Андриенко Ю.А. Значение и пути оптимизации института составления обвинительного заключения // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2019. № 1. С. 108–111. EDN: [HBVSRH](#).
9. Артамонов А.Н., Сидельников П.В. Окончание предварительного расследования. Омск: Омская академия МВД России, 2016. 140 с.
10. Ковтун Н.Н. Формирование государственного обвинения как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства России // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 123–137. DOI: [10.12737/jrl.2019.9.10](#).
11. Гаврилов Б.Я. Современные проблемы досудебного производства и меры по их разрешению // Российский следователь. 2013. № 21. С. 5–11. EDN: [RFLUWJ](#).
12. Гаврилов Б.Я. XX лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 7–14. EDN: [XUIBWU](#).
13. Стельмах В.Ю. Некоторые проблемы нормативной регламентации дознания // Российская юстиция. 2019. № 4. С. 58–60. EDN: [VXFBOK](#).
14. Попова И.П. Процессуальное значение обвинительного заключения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 1. С. 137–149. EDN: [NAHBGU](#).
15. Бобров В.К. Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства при окончании предварительного следствия с обвинительным заключением // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 32–39. DOI: [10.24412/2073-0454-2023-3-32-39](#).
16. УПК РСФСР 1922 года – первый советский процессуальный Кодекс (к 100-летию со дня принятия) / под ред. А.И. Чучаева. М.: Институт государства и права РАН, 2023. 216 с.
17. Победкин А.В. Уголовно-процессуальный кодекс: форма живого права или «бездушная» инструкция // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 3. С. 101–111. EDN: [YQEQPJ](#).

REFERENCES

1. Golovko L.V., ed. *Kurs ugolovnogo protsessa* [Course of criminal procedure]. Moscow, Statut Publ., 2016. 1276 p.
2. Minkovskiy G.M. *Okonchanie predvaritel'nogo rassledovaniya i pravo obvinyaemogo na zashchitu* [Pre-trial investigation completion and the benefit of counsel]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1957. 211 p.
3. Yakubovich N.A. *Okonchanie predvaritel'nogo sledstviya* [Pre-trial investigation completion]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1962. 147 p.
4. Zhogin N.V., Fatkullin F.N. *Predvaritel'noe sledstvie v sovetskom ugolovnom protsesse* [Preliminary investigation in the Soviet criminal trial]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1965. 367 p.
5. Strogovich M.S. *Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa* [Course of Soviet criminal procedure]. Moscow, Nauka Publ., 1970. Vol. 2, 516 p.
6. Statkus V.F. *Sledovatel po osobo vazhnym delam* [Major case investigator]. Moscow, Interkrim-press Publ., 2007. 446 p.
7. Gavrilov B.Ya., Ilyukhov A.A., Novikov A.M., Osmanova N.V. *Dosudebnoe proizvodstvo v ugolovnom protsesse* [Pre-Trial Proceedings in a Criminal Procedure]. Moscow, YuNITI Publ., 2015. 224 p.
8. Andrienko Yu.A. The Significance and ways to optimize the Institute of drawing up an indictment. *Vestnik Barnaulskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2019, no. 1, pp. 108–111. EDN: [HBVSRH](#).
9. Artamonov A.N., Sidelnikov P.V. *Okonchanie predvaritel'nogo rassledovaniya* [Preliminary investigation completion]. Omsk, Omskaya akademiya MVD Rossii Publ., 2016. 140 p.
10. Kovtun N.N. Formation of public prosecution as an independent stage of criminal proceedings in Russia. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2019, no. 9, pp. 123–137. DOI: [10.12737/jrl.2019.9.10](#).
11. Gavrilov B.Ya. Modern problems of pre-judicial production and measure for their permission. *Rossiyskiy sledovatel*, 2013, no. 21, pp. 5–11. EDN: [RFLUWJ](#).
12. Gavrilov B.Ya. XX years of the Russian criminal procedure law: whether it meets the scientific views and requirements of the law enforcement officer. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2021, no. 6, pp. 7–14. EDN: [XUIBWU](#).
13. Stelmakh V.Yu. Some problems of normative regulation of inquiry. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2019, no. 4, pp. 58–60. EDN: [VXFBOK](#).
14. Popova I.P. Procedural significance of the indictment. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*, 2020, no. 1, pp. 137–149. EDN: [NAHBGU](#).
15. Bobrov V.K. Ensuring the rights of participants in criminal proceedings at the end of the preliminary investigation with an indictment. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2023, no. 3, pp. 32–39. DOI: [10.24412/2073-0454-2023-3-32-39](#).
16. Chuchayeva A.I., ed. *UPK RSFSR 1922 goda – pervyy sovetskiy protsessualnyy Kodeks (k 100-letiyu so dnya prinyatiya)* [RSFSR Criminal Procedure Code of 1922 is the first Soviet procedural Code (on the 100th anniversary of adoption)]. Moscow, Institut gosudarstva i prava RAN Publ., 2023. 216 p.
17. Pobedkin A.V. Criminal procedural code: a form of live law or a “soul-less” instruction. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal*, 2017, no. 3, pp. 101–111. EDN: [YQEQPJ](#).

Indictment: procedural purpose

© 2023

Sergey B. Rossinskiy, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor,
Chief Researcher of the Criminal Law, Criminal Procedure, and Criminology Sector
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

Abstract: The paper analyzes the problems of the procedural purpose of the indictment as a law enforcement act that completes the pre-trial investigation of a criminal case. The relevance of the study is caused by the duplication of the role of the indictment and the decision on indictment as a defendant, which arises from the system of procedural legislation and the common investigative practice, in terms of establishing the scope, content, and boundaries, in other words, determining the subject of the upcoming criminal trial at first instance. Based on the traditional for national criminal justice concept of retaining the institute of indictment as a defendant, the author substantiates the thesis about the misunderstanding of the indictment as a document determining the content and parameters of a criminal complaint made against an accused. The paper clarifies that during the pre-trial investigation, such a role can only belong to the decision on indictment as a defendant. The author analyzes the reasons influenced the emergence of the identified doctrinal-legal dissonance that are associated with the not quite reasonable law-making policy typical for the development of Soviet and post-Soviet criminal justice. The author proposes to reduce the procedural significance of the indictment not to the formulation of the subject of the upcoming criminal trial at first instance, but only to summarizing the results of the pre-trial investigation and the final recognition of its results appropriate for legal proceedings on merits, as well as to determining the moment of formal completion of pre-trial proceedings and the termination of all legal relations inherent in this criminal procedure stage. It is proposed to consider the indictment a reason (legal fact) for the commencement of judicial proceedings. Moreover, the author mentions other purposes of the indictment – law enforcement and organizational and technical.

Keywords: accusation; indictment; completion of pre-trial investigation; pre-trial investigation; subject of criminal trial; indictment as a defendant; criminal complaint.

For citation: Rossinskiy S.B. Indictment: procedural purpose. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2023, no. 3, pp. 35–41. DOI: 10.18323/2220-7457-2023-3-35-41.